Возрождение Третьяковки

5 апреля состоялось официальное открытие (после почти десятилетнего перерыва) прославленного музея русского искусства — Третьяковской галереи. Накануне мы попросили заместителя директора по науке ГТГ Лидию Ивановну Иовлеву ответить на некоторые вопросы.

— Можем ли мы говорить о «возрождении Третьяковки»?

— Думаю, что можем. Достаточно увидеть комплекс зданий в Лаврушинском переулке, пройти по экспозиции...

— В таком случае, начните с самого начала. Как начиналась эта долгая эпопея?

— Она начиналась с концепции музея. Исторически сложилось так, что первоначально частная коллекция превратилась в главный музей русского искусства, отражающий развитие отечественного искусства от древности до современности. Причем, по традиции, идущей от основателя Павла Михайловича Третьякова, галерея никогда не порывала связи с современным художественным процессом, пополнялась новыми произведениями. Пополнялась и произведениями старых мастеров. Музею становилось тесно на своем историческом месте в Лаврушинском переулке, но «расти» ему было некуда.

Пока музейщики обсуждали свою концепцию, власти предпринали свое, в меру собственного понимания, решение вопроса. Было это в ту самую эпоху хрущевского «волюнтаризма», когда сносили старые здания и строили Дворец съездов в Кремле или прокладали Новоарбатский проспект по староарбатским особнякам и переулкам. Тогда же было начато возведение нового здания Третьяковской галереи на Крымском валу. С концом эпохи «волюнтаризма» эта идея, к облегчению музейных работников, была оставлена, хотя здание продолжало строиться «долгостроем» — двадцать с лишним лет, до 1979 года.

К этому времени готовый бетонно-стеклянный параллелепипед было решено разделить надвое между Центральным домом художника и так называемой «Квартиной галереей Советского Союза». Подразумевалось, хотя и не говорилось, что в эту галерею войдет советский отдел ГТГ. К счастью, не состоялась и эта идея. Более перспективной была бы концепция создания Музея современного искусства, но тогдашнее руководство министерства культуры было не готово к принятию такой концепции. К тому же у такого музея, как его ни называй, не нашлось бы качественных вещей для ретроспекции.

Поскольку старую Третьяковку решено было не трогать, возобладала концепция Государственной Третьяковской галереи как единого музея на двух территориях, кстати говоря, ныне воплощенная в жизнь. То есть в старом, всем знакомом здании на Лаврушинском остается старое искусство, а новое переходит на Крымский. Водораздеолом же служит не столько 1917 год — дата политическая, сколько шире — глобальные перемены, затронувшие и искусство в результате Первой мировой войны.

Пока шли обсуждения, катастрофически встшало само старое, «третьяковское» здание галереи. Какие-то реставрационные и строительные работы велись и прежде, в частности, А.В.Щусев, бывший некоторое время директором ГТГ, пристроил новый корпус, но капитального ремонта здания так и не было. Существовало много проектов реконструкции ГТГ и прилегающей территории, но все они оставались в области благих пожеланий.

Не было человека, воплощавшего в жизнь идею реконструкции галереи. Таким человеком стал художник Юрий Константинович Королев, ныне покойный. Не все воспринимали эту фигуру однозначно, конечно, он был, как говорят, «человеком своего времени», но все, и недоброжелатели, сходятся на том, что он оказался именно тем человеком, который осуществил почти невозможное.

К тому времени — начало восьмидесятых — здание галереи пришло в аварийное состояние. Достаточно сказать, что в нижних залах, где только что была открыта прекрасная выставка «Интерьер в русской живописи», обвалился потолок, к счастью, ночью. Это был, так сказать, «последний звонок».

С 1983 года начались активнейшие работы над проектом реконструкции галереи. Встал вопрос: куда на период строительства деть фонды? Здание на Крымском валу для этого не подходило, да и не смогло бы принять все. Было решено строить специальное хранилище — лепозиторий. Благодаря своей энергии и, что не менее важно, связям наверху, Ю.К.Королеву удалось получить «добро» и валютные средства. Финская фирма ЮИТ за год с небольшим построила депозитарий по оригинальному проекту «под ключ». Таким образом, с ноября 1985 года галерея была закрыта, а вещи эвакуированы в депо.

Лидия Иовлева.

— Получается, что перестройка галереи началась почти одновременно с началом «перестройки»?

— Получается... Реконструкция галереи началась с февраля 1986 года. Но галерея, как и всякий музей, не одни экспозиционные залы. Современный музей — сложное учреждение, куда входят системы жизнеобеспечения, как то: установки искусственного климата, освещение, система сигнализации и прочее. Было решено построить так называемый Инженерный корпус, который, помимо необходимых служб, имел бы выставочные залы, конференц-зал, лекционный зал, летскую студию. Инженерный корпус был возведен в 1989 году и с этого времени здесь проводятся выставки, а с 1991 года действовала постоянная выставка шедевров ГТГ, 250 картин, кроме, разумеется, крупноформатных.

— Так что сказать, что зритель почти на десять лет вовсе был лишен лицезрения знаменитых картин, нельзя?

— Мы, конечно, понимаем, что выставка — одно, а те же картины в музейных залах — другое, смотрятся иначе, вообще пребывание в музее дает совсем иное ощущение. Но все-таки... К тому же многое значили выставки классиков русской живописи — Нестерова, Поленова, Репина. Так что утверждать, что десять лет зритель ничего не видел, нельзя.

— Можно ли сказать, что сегодня, разумеется, не все, но основной объем работ по реконструкции галереи закончен?

— Лишь относительно. Дел предстоит еще много. Я не назвала еще одну важную нашу работу — восстановление храма Николы в Толмачах. Его прихожанами была семья Третьяковых. В 20-е годы храм был закрыт, в его стенах размещен запасник галереи. Ныне храм XVII века с колокольней XIX-го восстановлен и красиво вписался в панораму старого Замоскворечья. Теперь это домовая церковь при Третьяковской галерее. Иконостас и иконы подбираются из наших фондов, так что, когда нет службы, храм будет своеобразным продолжением залов древнерусского искусства.

— Теперь о самом главном: что нового увидит зритель и почему мы вправе говорить о возрождении?

— Безусловно, что зрителей, тех, кто посещал галерею прежде, и тех, кто увидит впервые, ждут новые впечатления. Судя по реакции тех посетителей, которым удалось побывать в галерее накануне предстоящего открытия, первое, что всем бросается в глаза, — уровень технической оснащенности. Поскольку «театр начинается с вешалки», немаловажное значение имеет просторный и удобный подземный вестибюль с гардеробом, справочными службами, киосками и всем прочим. Сами же залы стали светлыми, чистыми, нарядными. Старая галерея, как многие помнят, страдала от ужасной тесноты, темноты, духоты. Теперь людей встречают красивые залы с хорошим освещением, светлыми стенами, просторной разлеской картин. Продумана отделка панелей, дверных порталов, потолков — дизайн европейского уровня.

Второе — это то, что называется «радостью узнавания». Люди ищут запомнившиеся картины или памятные по репродукциям и находят их, поскольку в экспозиции сохранено самое главное — историческая анфилада залов, которая возникла еще при Третьякове. Второй этаж, куда ведет парадная лестница, традиционно демонстрирует искусство XVIII—XIX веков.

Однако новая экспозиция не является повторением прежней и не все картины зритель найдет на привычных местах. Вызвано это тем, что за счет перекрытия внутренних дворов экспозиционная площадь увеличилась в полтора раза. Поэтому знаменитая картина Александра Иванова «Явление Христа народу» висит в новом зале, как нам представляется, более выигрышно. По-иному, более просторно висят теперь Перов, Крамской, Поленов, Куинджи, Серов. В меньшей степени перемены затронули залы Шишкина, Васнецова, Верещагина, Сурикова, Репина. К нашим новшествам и, не скрою, гордости следует отнести огромный зал Врубеля, в котором помимо новых вещей и впервые так широко представленной майолики помещено знаменитое панно «Принцесса Греза», написанное для Нижегородской ярмарки 1896 года. С тех пор об этом панно можно было судить лишь по его копии на фронтоне гостиницы «Метрополь». Ныне усилиями наших реставраторов панно восстановлено и экспонируется. Оно грандиозно: 8 х 16 метров.

Новшеством являются и три зала скульптуры. Обычно скульптура расставляется по углам залов живописи как добавление; мы решили представить скульптуру самостоятельно, особенно таких мастеров, как Шубин, Мартос, Козловский.

Теперь нижний этаж. Прежде его занимала большая экспозиция советского искусства, небольшая экспозиция живописи начала века и два зала иконописи. Ныне то, что мы называем «искусством советского периода», включая авангард 20-х годов, переехало на Крымский вал и частично там экспонируется. У нас в залах нижнего этажа представлены лучшие образцы живописи начала века всех направлений — от Борисова-Мусатова до Кандинского и «Черного квадрата» Малевича. Это совершенно новая экспозиция, включающая, помимо известных новые, малоизвестные вещи и имена. По общему мнению, она удалась, залы поражают красочной энергией картин, оставляют праздничное впечатление.

Иконных залов теперь не два, а семь. Традиционно они оставлены на первом этаже и отнюдь не впадают в диссонанс с новым искусством, напротив, локальные цвета иконописи гармонируют с открытым цветом новой живописи (например, «Кулачие красного коня» Петрова-Водкина), равно как и стремление к духовному в искусстве (назовем Кандинского). Расширение площади иконной экспозиции позволило вынести из запасника ряд первоклассных вещей, а также выставить произведения мелкой пластики и древнерусской миниатюры.

Новой будет и экспозиция графики XVIII—XX веков в шести залах нижнего этажа. Она будет носить ротационный характер, поскольку графика не может долго пребывать на свету и каждые полгода должна уходить «на отдых», на консервацию. Таким образом, за несколько лет зрители смогут увидеть многие из рисунков, акварелей, пастелей, гравюр нашего собрания.

Третьяковская галерея. Старое здание в Лаврушинском переулке.

— Кстати, а каковы ваши фонды в целом?

— Более ста тысяч. При этом учтите, что мы, по преимуществу, картинная галерея, и собираем не все, в частности не собираем произведений народного искусства.

— А будет выставлено в залах?

— Примерно две с половиной тысячи работ.

— Итак, остается только ждать открытия. Как вы относитесь к этому предстоящему событию?

— С трепетом. Наше открытие — тоже своего рода эпопея. Первоначально открытие, по инициативе мэра Лужкова, торопившего нас, намечалось на 4 сентября прошлого года. Но было очевидно, что к назначенной дате нам не успеть. Тогда было решено в назначенный день устроить прием высоких гостей — президента, мэра, членов правительства по случаю завершения реконструкции и ремонта галереи. Официальное открытие перенесли на 14 декабря, но накануне случилось непредвиденное: в одном месте протекла стеклянная крыша. Пришлось устранять недоделки. И вот теперь — 5 апреля...

— Боитесь эмитажа?

— Опасаемся. У нас и прежде был наплыв посетителей, особенно в летние месяцы, ну, а после десятилетнего перерыва...

— Пятое апреля — день Лидии. Поздравляем вас.

— Спасибо за всех. В галерее я не одна Лидия...

Беседу вел
ГЕОРГИЙ МОСКОВКИН

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Сгорела усадьба Владимира Набокова в Рождествено под Петербургом

Это был уникальный деревянный дом конца XVIII столетия, последний барский особняк, чудом переживший все революции и все войны, раздиравший люмпенов и маниакий геростратов переходного периода.

Первым владельцем прекрасного ампирного здания был Николай Ефремович Ефремов, личный секретарь и доверенное лицо светлейшего князя и графа Безбородко. Затем он перешел во владение к немцу Бушу, позже — к помещице Перекусихиной, потом — к купцу Рукавишникову. А уже от Рукавишниковых — к последнему владельцу, будущему писателю Владимиру Набокову.

Летом 1917 года Набоковы в последний раз жили в деревне, осенью этого года они покинули Петроград, но память о просвещенных хозяевах этих мест оставалась еще долго.

Дом нисколько не пострадал тогда, когда, казалось, гибло все, — в 1918 году. Местные жители по собственному почину выставляли посты и охраняли барский дом. Набоковское имущество, почти нетронутое, сохранялось в запертом здании вплоть до 1922 года. А в 22-м появились люди в кожаных куртках, погрузили хозяйское добро на телеги и вывезли «куда-то в сторону города». Теперь известно, что свезли всё в Гатчину.

В ампирном доме была устроена школа, а затем — краеведческий музей совхоза «Ленинец», и, наконец, уже в перестройку здесь был устроен набоковский музей.

Когда прошла эйфория от возвращения старому имени Набокова, оказалось, что денег на огромные реставрационные работы нет и взять их неоткуда. Так и получилось, что дом стоял по-русски: на частном слеве.

Беда никогда на приходит вервями, но тут... в самый день рождения Набокова по старому стилю, 10 апреля...

Днем, в половине четвертого, когда сторож музея, 62-летний Николай Семенов отправился в деревню обедать и бросил свой пост, загорелся бельведер. Следом — второй и первый этажи. Пожарные прибыли для деревни сравнительно быстро: через 20 минут. Но дерево екатерининских времен горело быстрее.

К вечеру от дома оставались лишь остов да перекрыти первого этажа.

Наутро, 11 апреля, группа петербургских журналистов приехала на 70-й километр Киевского шоссе — туда, где 200 лет смотрел с горы на пустынное прекрасный дом. А что теперь?

Дознаватель Семикин, вероятно, дознается, кто учинил поджог, архитектор Семочкин, возможно, получит шанс возвести на старом фундаменте нечто новое, сторож Семенов будет это новое охранять. (Откуда эта странная схожесть фамилий? Какое-то приглашение на казнь.)

А пока собравшиеся хмуро похаживали вокруг пепелища, второй этаж дома загорелся снова. И в ожидании пожарной машины журналисты забрасывали огонь снежками...

ИВ.ТОЛСТОЙ

Санкт-Петербург